

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Богатырская сказка 1

Le monde est vieux, dit-on: je le crois; cependant
Il le faut amuser encore comme un enfant.

La Fontaine 2

Часть первая

Не хочу с поэтом Греции
звучным гласом Каллиопиным
петь вражды Агамемноновой
с храбрым правнуком Юпитера;
или, следуя Virgilio,
плыть от Трои разоренный
с хитрым сыном Афродитиным
к злачным берегам Италии.
Не желаю в мифологии
черпать дивных, странных вымыслов.
Мы не греки и не римляне;
мы не верим их преданиям;
мы не верим, чтобы бог Сатурн
мог любезного родителя
превратить в урода жалкого;
чтобы Леды были — курицы
и несли весною яйца;

1 Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом уединенные часы мои.
Продолжение остается до другого времени, конца еще нет, — может быть, и не будет. В
рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни
сочинены такими стихами.

2 Говорят, человечество старо; я этому верю; и все же его приходится развлекать, как
ребенка. Лафонтен (франц.). — Ред.

45

чтобы Поллуксы с Еленами
родились от белых лебедей.
Нам другие сказки надобны;
мы другие сказки слышали
от своих покойных мамушек.
Я намерен слогом древности
рассказать теперь одну из них
вам, любезные читатели,
если вы в часы свободные
удовольствие находите
в русских баснях, в русских повестях,
в смеси былей с небылицами,
в сих игрушках мирной праздности,
в сих мечтах воображения.
Ах! не все нам горькой истиной
мучить томные сердца свои!
ах! не все нам реки слезные

лить о бедствиях существенных!
На минуту позабудемся
в чародействе красных вымыслов!

Не хочу я на Парнас идти;
нет! Парнас гора высокая,
и дорога к ней не гладкая.
Я видал, как наши витязи,
наши стихо-рифмоделители,
упиваясь одопением,
лезут на вершину Пиндову,
обступаются и вниз летят,
не с венцами и не с лаврами,
но с ушами (ах!) ослиными,
для позорища насмешникам!
Нет, любезные читатели!
я прошу вас не туда с собой.
Близ моей смиренной хижины,
на берегу реки прозрачная
роща древняя, дубовая
нас укроет от лучей дневных.
Там мой дедушка на старости
в жаркий полдень отдыхал всегда
на коленях милой бабушки;
46

там висит его пернатый шлем;
там висит его булатный меч,
коим он врагов отечества
за гордыню их наказывал
(кровь турецкая и шведская
и теперь еще видна на нем).
Там я сяду на берегу реки
и под тенью древ развесистых
буду повесть вам рассказывать.
Там вы можете тихохонько,
если скучно вам покажется,
раза два зевнув, сомкнуть глаза.

Ты, которая в подсолнечной
всюду видима и слышима;
ты, которая, как бог Протей,
всякий образ на себя берешь,
всяким голосом умеешь петь,
удивляешь, забавляешь нас, —
все вещаешь, кроме... истины;
объявляешь с газетирями
сокровенности политики;
сочиняешь с стихотворцами
знатным похвалы прекрасные;
величаешь Пантомороса I
славным, беспримерным автором;

с алхимистом открываешь нам
тайну камня философского;
изъясняешь с систематиком
связь души с телесной сущностью
и свободы человеческой
с непременными законами;
ты, которая с Людмилою
нежным и дрожащим голосом
мне сказала: я люблю тебя!
о богиня света белого —
Ложь, Неправда, призрак истины!
будь теперь моей богинею
и цветами луга русского

1 То есть обер-дурака.

47

убери героя древности,
величайшего из витязей,
чудодея Илью Муромца!
Я об нем хочу беседовать,
об его бессмертных подвигах.
Ложь! с тобою не учиться мне
небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилось
на лазури неба чистого
и лучами злата яркого
осветило рощу тихую,
холм зеленый и цветущий дол.
Улыбнулось все творение;
воды с блеском заструилися;
травки, ночью освеженные,
и цветочки благовонные
растворили воздух утренний
сладким духом, ароматами.
Все кусточки оживились,
и пернатые малюточки,
конопляночка с малиновкой,
в нежных песнях славить начали
день, беспечность и спокойствие.
Никогда в Российской области
не бывало утро летнее
веселее и прекраснее,

Кто ж сим утром наслаждается?
Кто на статном соловом коне,
черный щит держа в одной руке,
а в другой копьё булатное,
едет по лугу, как грозный царь?
На главе его пернатый шлем
с золотою, светлой бляхою;

на бедре его тяжелый меч;
латы, солнцем освещенные,
сыплют искры и огнем горят.
Кто сей витязь, богатырь молодой?
Он подобен маю красному:
48

розы алые с лилеями
расцветают на лице его.
Он подобен мирту нежному:
тонок, прям и величав собой.
Взор его быстрее орлиного
и светлее ясна месяца.
Кто сей рыцарь? — Илья Муромец.
Он проехал дикий темный лес,
и глазам его является
поле гладкое, обширное,
где природою рассыпаны
в изобилии дары земли.
Витязь Геснера не читывал;
но, имея сердце нежное,
любовался красотою дня;
тихим шагом ехал по лугу
и в душе своей чувствительной
жертву утреннюю, чистую
приносил царю небесному.
«Ты, который украшаешь все,
русский бог и бог вселенная!
Ты, который наделяешь нас
всеми благами щедрот своих!
будь всегда моим помощником!
Я клянуся вечно следовать
богатырским предписаниям
и уставам добродетели,
быть защитником невинности,
бедных, сирых и несчастных вдов
и наказывать мечом своим
злых тиранов и волшебников,
устрашающих сердца людей!»
Так герой наш размышлял в себе
и, повсюду обращая взор,
за кустами впереди себя,
над струями речки быстрыя,
видит светло-голубой шатер,
видит ставку богатырскую
с золотою круглой маковкой.
Он к кусточкам приближается
и стучит копьём в железный щит;
49

Но ответу богатырского
Нет на стук его оружия.

Белый конь гуляет по лугу,
неоседланный, невзнузданный,
щиплет травку ароматную
и следы подков серебряных
оставляет на росе цветов.
Не выходит витязь к витязю
поклониться, ознакомиться.
Удивляется наш Муромец;
смотрит на небо и думает:
«Солнце выше гор лазоревых,
а российский богатырь в шатре
неужель еще покоится?»
Он пускает на зеленый луг
своего коня надежного
и вступает смелой поступью
в ставку с золотою маковкой.

Для чего природа дивная
не дала мне дара чудного
нежной кистию прельщать глаза
и писать живыми красками
с Тицианом и Корреджием?
Ах! тогда бы я представил вам,
что увидел витязь Муромец
в ставке с золотою маковкой.
Вы бы вместе с ним увидели —
беспримерную красавицу,
всех любезностей собрание,
редкость милых женских прелестей;
вы бы вместе с ним увидели,
как она приятным, тихим сном
наслаждалась в голубом шатре,
разметавшись на цветной траве;
как ее густые волосы,
светло-русые, волнистые,
осеяли белизну лица,
шеи, груди алебастровой
и, свиваясь, развиваясь,
упадали на колена к ней;
50

как ее рука лилейная,
где все жилки васильковые
были с нежностью означены,
ее голову покоила;
как одежда снего-белая,
полотняная, тончайшая
от дыханья груди полныя
трепетала тихим трепетом.
Но не можно в сказке выразить
и не можно написать пером,
чем глаза героя нашего

услаждались на ее челе,
на ее устах малиновых,
на ее бровях возвышенных
и на всем лице красавицы.
Латы с золотой насечкою,
шлем с пером заморской жар-птицы,
меч с топазной рукояткою,
копие с булатным острием,
щит из стали вороненья
и седло с блестящей осыпью
на траве лежали вокруг ее.

Сердце твердое, геройское
твердо в битвах и сражениях
со врагами добродетели —
твердо в бедствиях, опасностях;
но нетвердо против женских стрел,
мягче воску белоярого
против нежных, милых прелестей.
Витязь знал красавиц множество
в беспредельной Русской области,
но такой еще не видывал.
Взор его не отвращается
от румяного лица ее.
Он боится разбудить ее;
он досадует, что сердце в нем
бьется с частым, сильным трепетом;
он дыхание в груди своей
останавливать старается,
чтобы долее красавицу
51

беспрепятственно рассматривать.
Но ему опять желается,
чтоб красавица очнулась вдруг;
ему хочется глаза ее —
верно, светлые, любезные —
видеть под бровями черными;
ему хочется внимать ее
гласу тихому, приятному;
ему хочется узнать ее
любопытную историю,
и откуда, и куда она,
и зачем, девица красная
(витязь думал и угадывал,
что она была девицею),
ездит по свету геройствовать,
подвергается опасностям
жизни трудной, жизни рыцарской,
не щадя весенних прелестей,
не бояся жара, холода.
«Руки слабой, тленной женщины

могут шить серебром и золотом
в красном и покойном тереме, —
не мечом и не копьем владеть;
могут друга, сердцу милого,
жать с любовью к сердцу нежному, —
не гигантов на полях разить.
Если кто из злых волшебников
в плен возьмет девицу юную,
ах! чего злодей бесчувственный,
с нею в ярости не сделает?» —
Так Илья с собой беседует
и взирает на прекрасную.

Время быстрого стрелой летит;
час проходит за минутами,
и за утром полдень следует —
незнакомка спит глубоким сном.

Солнце к западу склоняется,
и с эфирною прохладою
вечер сходит с неба ясного
52

на луга и поле чистое —
незнакомка спит глубоким сном.
Ночь на облаке спускается
и густыя тьмы покровами
одевают землю тихую;
слышно ручейков журчание,
слышно эхо отдаленное,
и в кусточках соловей поет —
незнакомка спит глубоким сном.

Тщетно витязь дожидается,
чтобы грудь ее высокая
вздохом нежным всколебалася;
чтоб она рукою белою
хотя раз тихонько тронулась
и открыла очи ясные!
Незнакомка спит по-прежнему.

Он садится в голубом шатре
и, взирая на прекрасную,
видит в самой темноте ночной
красоту ее небесную,
видит — в тронутой душе своей
и в своем воображении;
чувствует ее дыхание
и не мыслит успокоиться
в час глубокия полуночи.

Ночь проходит, наступает день;

день проходит, наступает ночь —
незнакомка спит по-прежнему.

Рыцарь наш сидит как вкопанный;
забывает пищу, нужный сон.
Всякий час, минуту каждую
он находит нечто новое
в милых прелестях красавицы;
и — недели целой нет в году!

Здесь, любезные читатели,
должно будет изъясниться нам,
уничтожить возражения
53

строгих, бледнолицых критиков:
«Как Илья, хотя и Муромец,
хоть и витязь Руси древняя,
мог сидеть неделю целую,
не вставая, на одном месте;
мог ни маковые росинки
в рот не брать, дремы не чувствовать?»
Вы слышали, как монах святой,
наслаждаясь дивным пением
райской пестрой конопляночки,
мог без пищи и без сна пробыть
не неделю, но столетие.
Разве прелести красавицы
не имеют чародейства
райской пестрой конопляночки?
О друзья мои любезные!
если б знали вы, что женщины
могут делать с нами, бедными!..
Ах! спросите стариков седых;
Ах! спросите самого меня..
и, краснея, вам признаюсь,
что волшебный вид прелестницы, —
не хочу теперь назвать ее! —
был мне пищею небесною,
олимпийскою амврозией;
что я рад был целый век не спать,
лишь бы видеть мог жестокою!..
Но боюсь говорить об ней
и к герою возвращаюсь.

«Что за чудо! — рыцарь думает. —
Я слышал о богатырском сне;
иногда он продолжается
три дня с часом, но не более;
а красавица любезная...»
Тут он видит муху черную
на устах ее малиновых;

забывает рассуждения
и рукою богатырскою
гонит злого насекомого;
машет пальцем указательным
54

(где сиял большой золотой перстень
с талисманом Велеславиным) —
машет, тихо прикасается
к алым розам белолицыя —
и красавица любезная
растворяет очи ясные!

Кто опишет милый взор ее,
кто улыбку пробуждения,
ту любезность несказанную,
с коей, встав, она приветствует
незнакомому ей рыцаря?
«Долго б спать мне непрерывным сном,
юный рыцарь! (говорит она)
если б ты не разбудил меня.
Сон мой был очарованием
злого, хитрого волшебника,
Черномора-ненавистника.
Вижу перстень на руке твоей,
перстень добрая волшебницы,
Велеславы благодетельной:
он своею тайной силою,
прикоснувшись к моему лицу,
уничтожил заклинание
Черномора-ненавистника».
Витязь снял с себя пернатый шлем:
чернобархатные волосы
по плечам его рассыпались.
Как заря алеет на небе,
разливаясь в море розовом
пред восходом солнца красного,
так румянец на щеках его
разливался в алом пламени.
Как роса сияет на поле,
серебренная светилом дня,
так сердечная чувствительность
в масле глаз его светилась.
Стоя с видом милой скромности
пред любезной незнакомкою,
тихим и дрожащим голосом
он красавице отвечает:
55

«Дар волшебницы любезныя
мил и дорог моему сердцу;
я ему обязан счастьем

видеть ясный свет очей твоих».
Взором нежным, выразительным
он сказал гораздо более.

Тут красавица заметила,
что одежда полотняная
не темница для красот ее;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться мог легохонько,
где под нею что таилось...
Так седой туман, волнуясь
над долиною зеленою,
не совсем скрывает холмики,
посреди ее цветущие;
глаз внимательного странника
сквозь волнение туманное
видит их вершинки круглые.

Незнакомка взор потупила —
закраснелась, как маков цвет,
и взялась рукою белою
за доспехи богатырские.
Рыцарь понял, что красавице
без свидетелей желается
нарядиться юным витязем.
Он из ставки вышел бережно,
посмотрел на небо синее,
прислонился к вязу гибкому,
бросил шлем пернатый на землю
и рукою подпер голову.
Что он думал, мы не скажем вдруг;
но в глазах его задумчивость
точно так изображалась,
как в ручье густое облако;
томный вздох из сердца вылетел.
Конь его, товарищ, верный друг,
видя рыцаря, бежит к нему;
ржет и прыгает вокруг Ильи,
56

поднимая гриву белую,
извивая хвост изгибистый.
Но герой наш нечувствителен
к ласкам, к радости товарища,
своего коня надежного;
он стоит, молчит и думает.
Долго ль, долго ль думать Муромцу?
Нет, недолго: раскрываются
полы светло-голубой ставки,
и глазам его является
незнакомка в виде рыцаря.
Шлем пернатый развеивается

над ее челом возвышенным.
Героиня подпирается
копием с булатным острием;
меч блистает на бедре ее.
В ту минуту солнце красное
воссияло ярче прежнего,
и лучи его с любовью
пролилися на красавицу.

С кроткой, нежною улыбкою
смотрит милая на витязя
и движеньем глаз лазоревых
говорит ему: «Мы можем сесть
на траве благоухающей,
под сенистыми кусточками».
Рыцарь скоро приближается
и садится с героинею
на траве благоухающей,
под сенистыми кусточками.
Две минуты продолжается
их глубокое молчание;
в третью чудо совершается...

.....